

в СПБЦГАЛИ до середины XXI в. объявлен закрытым (Ф. 371. Оп. 3. Д. 294). Книга, которую он считал главной, «Один на один», не была завершена.

Но и то, что опубликовано, занимает неповторимое место в отечественной лит-ре о войне. Если говорить о близких ему «военных» прозаиках, то рядом с С. нужно назвать имя другого Семина — Виталия и его повесть «Нагрудный знак „ОСТ“», а также В. Астафьева («Прокляты и убиты»), В. Богомолова («Момент истины»), тетралогию Ю. Слепухина, «Убиты под Москвой» К. Воробьева, прозу В. Быкова. Повести и рассказы С. о блокадных испытаниях, о жизни пленников фашистских лагерей, в т. ч. и после освобождения, открывают новое измерение правды.

Последние подготовленные С. книги, вышедшие в 1981, оказались в равной мере обращенными и к миру природы («Тревоги Голубого города: Сказки»), открывая детям вечные ценности жизни, и к драме чудовищного и противоестественного человекоистребления, попрания человеческих душ (посвященные войне «Повести и рассказы»).

Соч.: Вторая весна. М.; Л., 1952; Огоньки. Л., 1953; Поиски золотистых пчел. Л., 1955, и др. изд.; Сверкающее дно. Л., 1955; Побег // Нева. 1957. № 10; Шумит глухомань. Л., 1958; Мартовские сугробы. Л., 1960; Волчий след // Нева. 1960. № 5; Один на один // Нева. 1963. № 3; Побег. Л., 1963; После погони. Л., 1963; Ребята из Малой Горки. Л., 1964; Была война... Л., 1968; Горбатый стакан [в соавт. с Г. Шичко] // Аврора. 1971. № 7–9; После выстрела. Л., 1971; Враг рядом. Л., 1974; Где живет сорокопут? Л., 1979; Повести и рассказы. Л., 1981; Тревоги Голубого города. Л., 1981.

В. М. Акимов

СЕМИЧЕВ Евгений Николаевич [5.11.1952, г. Новокуйбышевск Самарской обл.] — поэт.

Выходец из рабочей семьи, С. после школы-десятилетки окончил Куйбышевский гос. ин-т культуры (1971). Преподавал в Самаре, был директором новокуйбышевского Дворца культуры.

Впервые стихи С. опубликованы в 1969 в газ. «Знамя коммунизма» (Новокуйбышевск). В 1991 в Самаре вышла его первая книга стихов «**Заповедный кордон**», стихи С. постоянно публикуются в центральных и региональных газетах, журналах, альманахах. В 1995 С. был принят в СП России и стал слушателем Высших лит. курсов при Лит. ин-те им. А. М. Горького (семинар Ю. П. Кузнецова).

«Есть такое явление в современной поэзии — Евгений Семичев,— писала критик

М. Переяслова в рецензии на книгу «**Российский развилок**». — У поэта свой голос, неповторимый язык, поэтому его творчество не спутаешь ни с чьим другим... Внешняя непритязательность поэтической формы, помноженная на глубину и подлинность душевных чувств, позволяет творчеству Семичева быть как бы и социальной философией» (Переяслова М.— С. 45).

С. считает себя приверженцем классической линии русской поэзии — Пушкина, Тютчева, Блока. И. Никульшин полагает, что С. продолжает некрасовские традиции, обращаясь к жизни простого человека, к заветам народного бытия. Стихи его «отличаются от пустых стихотворных поделок обостренным чувством справедливости, честностью взгляда на жизнь, пристальным вниманием к самым, казалось бы неприглядным непозитическим сторонам нашего быта» (Никульшин И. Три голоса, три чистых звука // Российский писатель. 2003. № 7. С. 16). По мнению В. Лютого, С.— «русский песнопевец», поющий «на русском языке о русской беде, о русском счастье, что случилось под русским небом» (Лютый В.— С. 62).

Первое впечатление лит. незатейливости стихов С. при более внимательном чтении исчезает, и становится заметно, как мастерски организована та или иная авторская худож. «постройка», как легко поэт владеет историческим материалом, какие духовно весомые знаки естественно пронизывают его строки. Творческая свобода сплавлена интонационно с разговорностью, идущей от доверия к собеседнику и готовности поверить ему

Е. Н. Семичев

свою тайну. С. жалеет все земное, чужое страдание причиняет ему боль, его душа радуется малой черточке человеческого быта. Именно из такого начала, чутко-внимательного, исполненного высокой жалости, происходят строки: «И бабы плачут. Бабы горько плачут, / Хотя и песня эта о любви. / И в фартуки залатанные прячут / Мозолистые ручки свои».

Разлад земли и неба — один из главных конфликтов в поэзии С. При этом акцент у поэта не в упреке смертного человека небесам. Здесь дело в его любви к земному миру как творению Божьему, в сердечной жалости ко всякой боли и всякому горю, в умилении образом человека и в редкостном умении почувствовать тепло земной человеческой жизни. Примечательна худож. легкость, с которой у С. простые, обиходные вещи сочетаются с небесной предметикой. Отлетевшая в небо душа поэта превратится в снег, который будет лежать на облаке: «И дядя Жора — местный дворник, / Ушедший до меня во мглу, / Порядка истовый поборник, / Возьмет лопату и метлу. / Он снег развеет по России, / Как веют манную крупу, / Чтобы архангелы босые / Не приморозили стопу» («**Как ты хотела**», 1995).

В программном для С. стих. «**Поэт**» (1994) с неба на землю спускается «усталый, угрюмый, хмельной, / Присыпанный пылью небесной, / Забрызганный грязью земной. / Небритый, потерянный, помятый, / Проклявший себя и свой век, / Такой никому непонятный / Упрямый шальной человек». По стихотворной лестнице, ведущей «на горестный свет», отказавшись от заоблачного нравоучения, поэт идет к людям и «машет приветливо шапкой». Кажущаяся фамильярность в отношении небес пропадает, если под «небом» понимать не духовную твердь, а небо искусства, своего рода творческий Олимп.

В стихах С. все предметы мира взаимосвязаны. Это мировоззренческое качество, и оно свидетельствует о целостности мировосприятия поэта. Вполне показательно раннее стих. С. «**Собаке снится речка, не иначе...**» (1991). У спящей собаки, подобно речной волне, вздымается ровно дышащая грудь. «А лодке снится, что она собака, / Прикованная к берегу реки. / И вздрагивают волны среди мрака, / Как вздрагивают спящие щенки. / А человеку снится: гибнут люди. / И нету сил скрываться заперти. / И человек встает, собаку будит, / Спускает лодку на воду с цепи. / И человек, собака, лодка, речка / В ночной и беспокойной тишине / Плывут куда-то по стремнине млечной...»

Едва ли не каждое стих. поэта содержит зримую и нравственно окрашенную эмблему. Это и солнечный вешний свет, и волшебный и тревожный свет зари, и небесный свет, льющийся на землю, кажется, отовсюду, и заветный вечерний свет окна возлюбленной. Но более всего — это мистический свет, который ведет человека по жизни, озаряет битвы, грозно высверкивает на пороге бытия.

В лирике С. русский грешник, сознающий свое недостойнство, вопрошает о других, в отличие от библейского Иова, который просил Бога объяснить свою участь. У С. самоотвержение грешника и самопожертвование, свойственное праведнику, стоят рядом — в этом отличие худож. и нравственной позиции поэта от монологической практики большинства совр. писателей.

Три образа составляют худож. базу поэзии С.: детство — дом — Родина. Детство для поэта — безгрешно. Мысль о ребенке, на котором держится мир, владела лучшими отечественными писателями и наиболее ярко проявилась у Достоевского. С. в свою очередь рисует символ современной российской жизни: русское дитя с тяжким крестом на хрупких плечах. «Колышатся дымы / Над кровлями избенок. / Народу тьмы и тьмы... / ...А крест несет ребенок!» («**Крестный ход**», 1994). Память о детстве позволяет поэту нравственно судить жизнь и выявлять, выводить в слова изначальный разрыв между правдой и ложью, героизмом и предательством, любовью и ненавистью.

Понятие дома для С. значительно шире вполне конкретного представления о домике, где прошло детство. Каждая примета отсылает к маленькой истории со своими персонажами, характерами, испытаниями и впечатлениями. Таковы стих. «**Холодец**» (1994), «**Артист**» (1994), «**Подвал**» (1994), «**Слово**» (1995), «**Лучшие дурочки мира...**» (2002), в которых на фоне простоты стихотворной речи особенно примечательна не домашность картины, но «дворовость» — от двора, в котором умещаются все детские представления о мире.

Четкий абрис дома постепенно вырастает в понятие Родины. С. окликает материнскую землю ее поэтическим образом: слуховым, зримым, осязательным, родово-памятным, и читатель, впитывая семичевские строки, проникается горячим чувством узнавания родного. В стих. «**Прощайте друзья! Расставаться пора...**» (1999) поэт выбирает Священную Русь, отказываясь принять «звонкое завтра» — в нем нет любви, нет памяти, нет сострадания. Обращаясь к друзьям детства

ва, он говорит: «Вы выбрали свет и свободу. / А я с разоренной страной остаюсь, / Мой Китеж уходит под воду. / Я вас никогда не смогу разлюбить, / Куда б далеко ни уплыли. / И буду в затопленный колокол бить, / Чтоб вы не забыли, кем были». Поэт верит в Промысел, в то, что однажды «в суете канительной / Сверкнет православного Китежа крест, / Как Родины крестик нательный. / И Китеж всплывет из былинных глубин, / Взметнув Светлояровы воды. / И скажет: «Я тоже свободу любил, / Но Родина выше свободы!»

Сегодня, пожалуй, ни у кого из русских поэтов голос, поющий Родину, не звучит столь самозабвенно, как у С. Многие пишут на эту тему часто и с болью. Но никто — с таким неизменяемым постоянством, с таким чувством незаживающей раны, с такой худож. убедительностью, внутри которой простота речи естественно сливается с духовной глубиной.

С. — лауреат премий ж. «Наш современник» (1999, 2002), Всероссийской премии «Новая русская книга» (2002).

Соч.: Заповедный кордон. Самара, 1991; Свете Отчий. Самара, 1994; От земли до неба. Самара, 1995; Российский развилоч. Самара, 1999; Соколки русской земли. Самара, 2002.

Лит.: Громов А. Небесная крепь [Предисл. к сб.: От земли до неба]. Самара, 1995; Переяслова М. Крестный путь поэта // К единству. 2001. № 5. С. 45; Громов А. Соколик русской земли: [К 50-летию Е. Семичева] // Русское эхо: альм. Вып. 11. Самара, 2002. С. 42–44; Лютый В. Русский песнопевец: Худож. мир стихотворений Евгения Семичева // Русское эхо. Самара. 2004. № 2. С. 61–83.

В. Д. Лютый

СЁМУШКИН Тихон Захарович [26.6(13.6). 1900, с. Старая Кутля Пензенской губ.— 6.5.1970, Москва] — прозаик, публицист.

Родился в крестьянской семье. Самообразованием добился того, что в первые после-революционные годы смог работать учителем в сельской школе. В 1922 поступил на педагогический ф-т Московского ун-та; учился заочно, без отрыва от педагогической работы. Сразу после окончания вуза (1924) принял участие в нескольких экспедициях на Чукотку с культурно-политическим заданием — организовать систему общего образования и политического просвещения в условиях Крайнего Севера, попутно пропагандируя идеи советской власти, утверждая и укрепляя социалистический строй среди далеких от европейской цивилизации северных народов.

Т. З. Сёмушкин

Подолгу проживая на Чукотке, С. проявил себя как чуткий наблюдатель быта, нравов и психологии незнакомого народа, как собиратель фольклора, обрядовых форм, характерных черт данной этнической культуры. Под непосредственным руководством В. Г. Богораза-Тана, опытного и авторитетного исследователя этносов Крайнего Севера и их культур, С. принял участие в создании чукотской письменности; он организовал первую школу-интернат для детей-чукчей, в 1928 стал ее директором; впоследствии работал в Наркомпросе, где занимался вопросами культурного строительства на Крайнем Севере. В общей сложности С. прожил среди чукотского народа 8 лет, накопив богатый фольклорный, этнографический, социально-психологический материал, переросший первоначальное значение сырых эмпирических наблюдений за традиционной культурой народа, еще не преодолевшего состояние первобытности. К 1932 у С. созрело намерение выразить накопленные впечатления в лит. форме. На протяжении 1930-х начинающий писатель работал над книгой «**Чукотка**» (кн. 1–2. 1938–40).

Сюжетом повести послужил автобиографический эпизод — приезд группы русских советских учителей на Чукотку с целью создания первой национальной школы. Собственно культурно-просветительская цель делегации дополняется политической: «старший брат» был призван помочь «младшему» перешагнуть исторические границы первобыт-